УДК 316.454.2
JEL I 210, J 620

В. М. Барсегян

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики
Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

barsegyan.vardan@gmail.com

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Образовательная мобильность является важным показателем динамики уровня квалификации человека, которая сказывается на результатах его работы в любой сфере. Результаты, полученные при сравнении образовательных уровней «отцов» и «детей», позволяют сделать вывод об общем росте образованности среди различных слоев населения. Это особенно актуально среди тех, кто обладает властью и влиянием или претендует на это. Так как высшее образование прививает не только знания как таковые, но также приобщает к мировой культуре, принципам гуманизма. Ввиду этого особенно важно проследить образовательную мобильность молодых общественно-политических деятелей относительно их родителей, а также сравнивать полученные результаты с россиянами в целом.

Статья посвящена анализу направлений и факторов межпоколенной социальной (образовательной) мобильности молодых общественно-политических деятелей в современном российском обществе. Выявлено, что значительное влияние на уровень социальной мобильности оказывают условия социализации и человеческий капитал матерей респондентов. Также показано, что образовательная мобильность среди молодых общественно-политических деятелей выше, чем в среднем среди россиян того же возраста.

Ключевые слова: социальная мобильность, образовательная мобильность молодежи, политическая активность молодежи.

Введение

В настоящее время политическая активность молодежи стала объектом изучения многих специалистов из разных отраслей социального и гуманитарного знания. Это связано с той ролью, которую молодые люди могут сыграть в трансформации общественно-политической жизни страны. Примеры того, как политически активная молодежь становилась в авангарде политических преобразований, можно найти в новейшей истории: «Майдан» 2014 г. на Украине, «оранжевые революции» в странах СНГ, «Арабская весна», протесты молодежи в России в 2011 г. – заставили исследователей вновь вернуться к изучению политической активности молодежи.

Однако названные события переориентировали исследователей на изучение протестно настроенной молодежи. В то время как лояльная политическая активность остается во многом в «тени», это является благоприятной почвой для распространения различных мифов о лояльной молодежи.

В связи с этим целью настоящей статьи является изучение политически активной молодежи в свете исключительно неполитических социальных процессов, таких как социальная мобильность, ее основные направления и факторы.

Барсегян В. М. Межпоколенная образовательная мобильность молодых общественно-политических деятелей в современном российском обществе // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 163–177.

© В. М. Барсегян, 2014

Данная статья описывает основные характеристики социальной (образовательной) мобильности молодых общественно-политических деятелей в сравнении с молодежью в России в целом: уровень, направления и факторы межпоколенной образовательной мобильности.

Объектом исследования стали участники Молодежного форума «Селигер-2013» (политическая смена), N = 447. Анкетирование проводилось удаленно, посредством сервиса SurveyMonkey (https://ru.surveymonkey.com/).

Тип выборки: целевая, квотная, релевантная целям и задачам исследования.

Научная разработанность проблемы

Теоретические основы изучения социальной мобильности. Межпоколенная образовательная мобильность является одним из видов социальной мобильности. Основоположник теории социальной мобильности – известный отечественный и американский социолог Питирим Сорокин – определял социальную мобильность как «переход индивида или социальной группы из одной социальной позиции в другую» [1; 2].

Также он типологизировал социальную мобильность, выделив в ней внутрипоколенную и межпоколенную социальную мобильность. Внутрипоколенная социальная мобильность является индикатором изменений социального статуса представителями одного поколения на протяжении всей жизни, в то время как межпоколенная оценивает социальный подъем или снижение между представителями различных возрастных когорт. Например, при анализе межпоколенной социальной мобильности распространены исследования достижений «отцов» и «детей» и влияния одного на другое.

Сквозной линией через большинство современных исследований социальной мобильности проходит методология исследования «от человека к структуре». Иначе говоря, если раньше, в 50–90-е гг. XX в., исследователи вначале формировали иерархизированный социальный каркас общества, а затем фиксировали разнонаправленные потоки мобильности, то сегодня первым шагом к изучению социальной мобильности становится изучение жизненной траектории человека, его мотивов и жизненных целей, и лишь затем индивиды группируются в соответствии со схожим социальным багажом и достижениями [3; 4], или так называемым бэкграундом (background).

Теоретико-методологическое обоснование такого подхода основано главным образом на концепции «хабитуса» (habitus) и конвертации различных форм социального капитала друг в друга П. Бурдье [5; 6], концепции «индивидуализированного общества» З. Баумана [7; 8] и «общества риска» У. Бека [9; 10].

Обзор исследований межпоколенной социальной мобильности представлен в разделе книги «Education and Family Background. Mechanisms and Policies», где представлены основные теоретические и методологические подходы к анализу межпоколенной социальной мобильности, а также проведен обзор новейших исследований по этой теме [11; 12].

Аналогичный обзор исследований по межпоколенной социальной мобильности представлен в [12], где в фокусе исследователей находятся страны ОЭСР [1].

Социальная мобильность в современных обществах – главные тренды. Аскриптивные статусы и социальная мобильность. Все большую актуальность приобретают исследования о влиянии на социальную мобильность гендерных различий [13; 14] и этнической принадлежности [15].

В работе [16] поднимается проблема неучастия населения в решении общественных проблем, а также низкий уровень социальной мобильности, обусловленный социальной структурой общества.

Берлинер опровергает мифы о беспрецедентной открытости современного американского общества, показывая, что, например, уровень различия в доходах между ближайшими родственниками (братьями и сестрами) в США в четыре раза выше, чем в Скандинав-

[1] Миссия Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) заключается в содействии политике, которая позволит улучшить экономическое и социальное благополучие людей во всем мире. В состав ОЭСР входят наиболее развитые страны мира, которые признают ценность демократии и рыночной экономики.

ских странах [16]. Однако в последние десятилетия разрыв между социальным положением братьев и сестер сокращается. Таким образом, подытоживает автор, ресурсы семьи все больше влияют на возможности социальной мобильности для американской молодежи.

В исследовании [17] показано, что социальная мобильность между поколениями в Сингапуре схожа с типом социальной мобильности, характерной для США, с высоким уровнем межпоколенческих разрывов. Однако общая картина социальной мобильности молодежи позволяет сделать вывод о ее умеренно низком уровне.

Исследование [18] показывает, как влияет расовое происхождение на социальную мобильность «белых» и «синих воротничков» в США. Ученые выяснили, что социальная мобильность среди представителей белой расы высока по сравнению с афроамериканцами и латиносами как среди «белых воротничков», так и среди «синих».

Исследователи связывают это явление с тем, что афроамериканцы и латиноамериканцы в целях продвижения по карьерной лестнице делают в основном упор на формальные механизмы продвижения, такие как стаж работы, квалификация и т. д. В то время как представители белой расы используют как формальные, так и неформальные каналы влияния на руководство (дружеские беседы, встречи, обеды и т. д.) и, следовательно, на свое собственное продвижение [18. С. 9]. Таким образом, уровень доверия играет значительную роль в социальной мобильности.

«*Старые*» *и* «*новые*» *факторы и каналы социальной мобильности.* Исследователи выявили, что в странах, которые можно назвать преимущественно традиционными или развивающимися, такие каналы, как семья, церковь, образование, играют по-прежнему значительную роль в социальной мобильности. Например, в африканской республике Гана эффективным каналом социальной мобильности является церковь пятидесятников [19].

В Индии исследователи фиксируют все большее ослабление кастовых преград перед социальной мобильностью. В индийском обществе, наряду с возрастанием влияния индустриализации, снижается роль каст как непреодолимых преград в социальной мобильности. Исследователи фиксируют рост влияния таких традиционных каналов социальной мобильности, как семья, образование, экономическое благосостояние домохозяйства и политические факторы; одним из определяющих оснований положения человека в социальной иерархии становится не только кастовая принадлежность, но и профессиональный статус [20].

Положительная корреляция между высоким уровнем образования и высоким профессиональным статусом показана также в исследовании, проведенном коллективом авторов во главе с ученым Ф. Лином [21].

В современных исследованиях социальной мобильности ученые все чаще обращают внимание на ранее малоизученные общества.

Исследование [22] посвящено изучению влияния социального неравенства на социальную мобильность молодежи Северной Ирландии. Ученые опросили студентов местных вузов о намерениях уехать из Северной Ирландии на учебу или по другим причинам в другое место. Результаты показали, что процент тех, кто хотел бы уехать, высок, но доля уехавших составляет только несколько процентов. Далее ученые поставили новую задачу – определить причины такого расхождения в намерениях и действиях и пришли к выводу, что на окончательное решение уехать и реализацию этого плана влияют личные показатели (хабитус) и социально-экономическое положение семьи. Было показано, что молодежь из обеспеченных семей более склонна реализовывать свои планы уехать, чем молодежь с небогатым хабитусом и низким социально-экономическим статусом семьи.

В статье [23] рассматривается феномен увеличения численности населения Москвы на фоне уменьшения общей численности населения в России. Автор связывает это с тем, что Москва, как и другие крупные города мира, привлекает молодежь как культурный, экономический и политический центр, зачастую не имеющий конкурентов внутри страны.

Однако, как показывает автор, возможность повысить свой социальный статус в Москве имеют люди, уже имеющие за спиной некий бэкграунд. Остальным же приходится сталкиваться с жесточайшими условиями жизни в мегаполисе [23. С. 295]. Но это не

результат работы свободного рынка, а действия власть имущих. Автор приходит к выводу, что таким образом властвующая элита пытается сохранить за собой привилегии контроля над ресурсами, в том числе используя фильтры социальной мобильности.

Таким образом, получается, что реалии жизни, зафиксированные отечественными социологами еще в начале 1990-х гг. [24], рассматривающих социальную мобильность как процесс отбора элитой наверх наиболее лояльных сторонников, не потерял своей актуальности и сегодня.

Анализ эмпирических исследований позволил сделать следующие выводы. Во-первых, в разных обществах преобладают различные типы каналов социальной мобильности. И в основном этот водораздел проходит через дифференциацию: развитые страны – развивающиеся страны, или страны модерна / постмодерна – традиционные.

Так, недавние исследования в Европе и США показали, что наряду с традиционными каналами социальной мобильности на передовые позиции выходят сравнительно новые каналы, например спорт.

В Европе спорт рассматривается как один из важных каналов социализации и социальной мобильности молодых людей из семей мигрантов [25]. Исследования, проведенные в США, показывают, как спорт влияет на социальную мобильность американцев в зависимости от расовой принадлежности: белые американцы, афроамериканцы и испаноговорящие американцы. Только в судьбе испаноговорящих американцев не было найдено статистического влияния спорта на социальную мобильность [26].

Теоретико-методологическая база

Методы сбора данных и эмпирическая база. Эмпирической базой исследования послужили результаты авторского исследования, в рамках которого был проведен анкетный опрос (N = 447). За основу авторской анкеты взяты вопросы из анкеты исследования Института социологии РАН «Бедность и бедные в современной России» (N = 1 600) [27].

Опрос проводился среди участников политической смены Всероссийского молодежного форума «Гражданский форум» «Селигера-2013» (сентябрь-октябрь 2013 г.).

Метод опроса – онлайн-опрос через сеть Интернет посредством сервиса Survey Monkey. В целях сбора эмпирического материала всем участникам Гражданского форума были разосланы анкеты в электронном виде.

Из 5 000 участников гражданского форума ответили на письмо 612 человек. Чтобы привести эмпирическую базу в соответствие с целями и задачами исследования, из базы исключены респонденты младше 18 лет и старше 35. Половой состав выборки также был приведен в соответствие с данными Росстата, данными генеральной совокупности участников «Селигера» и общероссийской репрезентативной базой ИС РАН.

Таким образом сформирована выборка исследования – целевая, квотная, релевантная целям и задачам исследования. По половозрастному составу и занятости респондентов сопоставима с репрезентативной выборкой исследования ИС РАН.

В выборку вошли молодые люди из 74 субъектов Российской Федерации (распределение молодежи в выборке по регионам РФ см. в прилож. 2).

В табл. 1 представлены основные характеристики выборки.

Для проведения сравнительного исследования результаты авторского исследования необходимо сравнить с результатами анализа аналогичных индикаторов, полученных на основе анализа общероссийской репрезентативной выборки.

В качестве эмпирической базы для сравнения результатов использована база исследования, проведенного по аналогичной анкете Институтом социологии РАН «Бедность и бедные в современной России» (N = 1 600) [27]. Сравнение проводилось с респондентами возрастной группы 18–35 лет (N = 594). Основные характеристики обеих выборок представлены в табл. 1.

Необходимо отметить, что респонденты авторского исследования принадлежат к «младшей» молодежной возрастной группе в отличие от респондентов исследования ИС РАН. Поэтому в дальнейшем анализ также будет проводиться с разбивкой по возрастным категориям 18–22, 23–27, 28–35 лет.

Таблица 1

Основные характеристики выборки авторского исследования и исследования ИС РАН

Пол	Количество случаев				Возраст			
	авторская выборка		ИС РАН		авторская выборка		ИС РАН	
	чел.	%	чел.	%	ср.	медиана	ср.	медиана
М	213	47,7	284	47,8	23,09	22	26,27	26
Ж	234	52,3	310	52,2	21,48	21	26,41	26
Итого	447	100	594	100	22,25	21	26,55	26

Теоретико-методологическим основанием исследования послужили труды основоположника теории социальной мобильности Питирима Сорокина и ресурсный подход, разрабатываемый зарубежными (Бурдье, Соренс, Коулман) и отечественными (Шкаратан, Радаев, Тихонова) учеными.

Методы анализа данных. В ходе проведения анализа использовались следующие методы: частотный анализ, тест хи-квадрат на независимость выборок, корреляционный анализ (Пирсона – для количественных нормально-распределенных переменных, Спирмена и Кенделла – для других).

Во всех случаях за минимальный уровень значимости ошибки принималось значение не боле 0,05.

С целью выявления групп политических активистов проводился иерархический кластерный анализ. Количество групп определялось путем отслеживания изменения коэффициентов. Далее путем кластеризации К-средними была определена каждая конкретная группа: содержательно и логически осмыслена, наименована.

Для выявления статистически значимых различий (по доходам, образованию респондентов и т. д.) между группами молодых общественно-политических деятелей проводились анализы средних значений или непараметрические тесты.

Если зависимая переменная измерялась количественно, была «нормально» распределена, а группы были достаточно наполнены, то проводились параметрические тесты. Если переменная не соответствовала этим требованиям, то тесты проводились непараметрические.

Для проверки распределения переменных на «нормальность» использовался одновыборочный тест по методу Колмогорова-Смирнова.

Анализ проводился с помощью программного обеспечения IBM SPSS 19 версии.

Методика выделения групп политических деятелей. Для выявления групп политических активистов был проведен иерархический кластерный анализ и кластерный анализ К-средними. Итоги кластерного анализа представлены в табл. 2.

Кластер 1. Респонденты этой группы проявляют свою активность в основном в работе общественных организаций. Для них менее характерно проявление инициативы, выражающейся в непосредственном обращении к политикам, а также в других видах политической активности. Поэтому логично обозначить кластер (группу) как «Общественные активисты».

Кластер 2. Наиболее ярко в этой группе проявляется «активистский» тип политической активности: ношение и вывешивание символики политических партий и общественных объединений, активная работа в самих организациях и т. д. Вместе с этим для данной группы (в отличие от следующей) менее свойственно обращаться к политикам непосредственно. Также им менее свойственны такие крайние формы политической активности, как бойкот.

Таким образом, являясь политически активными, респонденты, тем не менее, неохотно проявляют инициативу, не обращаются к политикам непосредственно. Эти люди формируют базу активистов-исполнителей. В связи с этим назовем кластер (группу) «Политические активисты».

Таблица 2

Результаты кластерного анализа методом К-средних *

Вид политической активности	Кластер		
	1	2	3
Обращались ли Вы к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти?		0,68	**0,85**
Принимали участие в работе политической партии, группы, движения?		**0,91**	**0,89**
Принимали участие в работе какой-либо другой общественной организации или объединения?	**0,81**	**0,95**	**0,95**
Носили или вывешивали символику какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции или организации	**0,52**	**0,96**	**0,94**
Подписывали петиции, обращения, открытые письма?		0,81	**0,85**
Принимали участие в разрешенных демонстрациях?		0,88	**0,91**
Бойкотировали, отказывались от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг, чтобы выразить свой протест?			**1,00**

* Минимальное значение конечных центров кластеров определено на уровне 0,5. Значения меньше 0,5 скрыты.

Таблица 3

Группы общественно-политической активности молодежи

Кластер (группа)	Наименование	*N*, чел.	% в выборке *
1	Политические лидеры	106	24,1
2	Политические активисты	202	46
3	Общественные активисты	131	29,8
Итого		439	100

* От ответивших на вопрос.

Таблица 4

Половозрастной состав групп общественно-политической активности

Группа общественно-политической активности	Возрастная группа (лет), %						Итого		
	от 18 до 22		от 23 до 27		от 28 до 35				
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	Σ
Политические лидеры	52,6	47,4	63,2	36,8	92,9	7,1	61,5	38,5	100,0
Политические активисты	40,7	**59,3**	60,9	**39,1**	**61,9**	38,1	48,1	51,9	100,0
Общественные активисты	31,5	**68,5**	38,5	**61,5**	**72,7**	27,3	35,9	64,1	100,0
Итого	39,6	**60,4**	**56,4**	43,6	**73,9**	26,1	47,4	52,6	100,0

Кластер 3. Респонденты в этом кластере активно проявляют весь спектр политической активности. Для представителей этой группы наиболее свойственно обращаться к политикам лично. Эта группа также демонстрирует приверженность к крайнему проявлению политической активности – бойкотированию.

В сфере политической активности встречи с представителями власти являются одними из действенных способов решения проблем. Факт обращения к политикам означает, что респондент может обладать представительскими качествами, быть лидером, поэтому считаем возможным назвать кластер (группу) «Политические лидеры».

Итак, мы выявили группы в соответствии с типами проявляемой активности: «Политические лидеры», «Политические активисты», «Общественные активисты». Необходимо сделать оговорку: всю совокупность авторской выборки в дальнейшем будем называть «молодые общественно-политические деятели», а когда требуется выделить какую-либо группу из этой совокупности, будем обращаться к ним, используя наименования «Политические лидеры», «Политические активисты», «Общественные активисты».

Половозрастной состав групп. Далее проведем анализ групп общественно-политической активности по половозрастному составу (табл. 4).

В авторской выборке преобладают молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет (64,5 %). Основная доля молодежи принадлежит к «младшему» молодежному возрасту (табл. 5).

В группе «Политические лидеры» преобладают мужчины. При этом прослеживается следующая тенденция: чем выше возрастная категория, тем больше доля мужчин. В категории «28–35 лет» более 92 % – мужчины.

Среди «Политических активистов» преобладают женщины. Однако с каждой следующей возрастной категорией доля женщин снижается. В возрастной категории «28–35» женщин становится меньше, чем мужчин.

Группа «Общественные активисты» особенно выделяется преобладанием женщин. Как и в двух других группах, в «старшей» молодежной возрастной категории (28–35 лет) преобладают в мужчины.

В возрасте от 18 до 22 лет среди всех групп преобладают женщины. В старших возрастных категориях преобладают мужчины.

Выявлена положительная корреляция между политической активностью и возрастом респондента. Наиболее активная политическая позиция свойственна мужчинам, и чем старше мужчина, тем выше шанс оказаться в группе политических лидеров.

Для женщин более свойственна общественная активность. С возрастом эта активность снижается: либо переходит в плоскость собственно политики, либо женщины уходят из публичной сферы.

Результаты и интерпретация

Молодые политические активисты: *уровень образования.* Сравнение образовательного уровня молодых общественно-политических активистов с россиянами в целом считаем целесообразным проводить только для тех категорий молодежи, которые уже имеют какой-либо уровень образования. Россияне в основной массе после 22 лет уже имеют некоторый уровень образования, который редко меняют, учитывая неширокое распространение принципа «учиться всю жизнь», распространенного в странах Западной Европы.

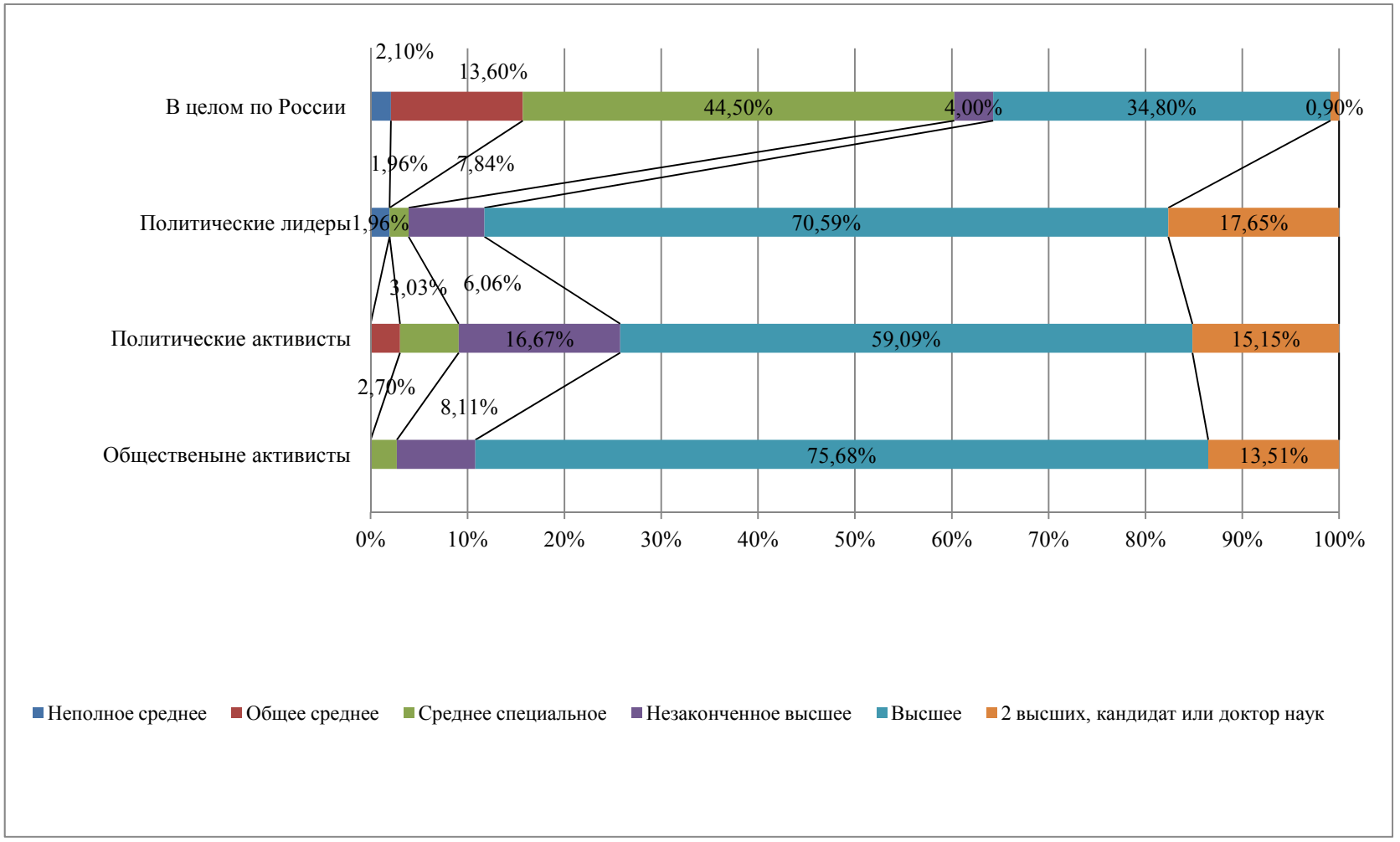
Среди молодых политических активистов, опрошенных нами, 35,4 % старше 22 лет.

Таблица 5

Сопряженность групп общественно-политической активности и возраста по категориям, %

Группа политической активности	Возраст по категориям (лет)			Итого
	18–22	23–27	28–35	
Политические лидеры	*51,9*	*34,9*	*13,2*	*100,0*
	19,4	**33,6**	**30,4**	**24,1**
Политические активисты	*64,4*	*24,8*	*10,9*	*100,0*
	45,9	**45,5**	**47,8**	**46,0**
Общественные активисты	*74,8*	*17,6*	*7,6*	*100,0*
	34,6	**20,9**	**21,7**	**29,8**
Итого	*64,5*	*25,1*	*10,5*	*100,0*
	100,0	**100,0**	**100,0**	**100,0**

[*] Группы по возрасту и полу различаются значимо (асимпт. зн. < 0,0001).



Человеческий капитал респондентов 23 лет и старше

Таблица 6

Корреляционный анализ, коэффициент корреляции Спирмена

Образование респондентов	Образование отца	Образование матери
Молодые общественно-политические деятели	0,199 * 0,013	0,109 0,178
Молодые россияне в целом	0,410 ** 0,000…	0,422 ** 0,000…

* Корреляция значима на уровне 0,05.
** Корреляция значима на уровне 0,01.

Сравнение образовательного уровня респондентов авторского исследования и сравнение этих данных с общероссийской репрезентативной выборкой дало интересные результаты. Среди россиян в возрасте от 23 до 35 лет более 44 % имеют среднее специальное образование и 34,8 % высшее, в то время как во всех группах общественно-политической активности преобладают люди с высшим образованием.

В результате можно сделать вывод, что молодые общественно-политические деятели обладают высоким уровнем человеческого капитала. Также отметим, что среди общественно-политических деятелей довольно распространено получение второго высшего образования либо ученой степени.

Внутрипоколенная социальная (*образовательная*) *мобильность.* Одним из наиболее распространенных способов представления информации о межпоколенной социальной мобильности и ее измерения являются таблицы мобильности [3; 28; 29]. Это наиболее распространенный способ анализа социальной мобильности как в России, так и за рубежом [3; 4].

Суть таблиц мобильности состоит в создании таблиц сопряжения, где по строкам размещается состояние респондента в прошлом (если речь идет о внутрипоколенной социальной мобильности) или состояние «отцов» респондентов (в случае межпоколенной социальной мобильности), а по столбцам размещаются значения текущего статуса респондентов.

Однако до составления таблиц мобильности необходимо провести корреляционный анализ между показателями. Это позволит сделать обоснованные выводы (табл. 6).

Итак, результаты корреляционного анализа говорят о том, что в обоих группах образование отца имеет значительное влияние на образовательный уровень респондентов. Примечательно, что образование матери имеет значительное влияние на образование респондентов только в группе, где представлена репрезентативная общероссийская выборка молодежи. В то время как образование матери статистически не влияет на уровень образования молодых общественно-политических активистов. В связи с этим, проведем анализ мобильности имея ввиду только уровень влияния образования отцов (табл. 7). Далее проведем оценку социальной межпоколенной мобильности по традиционным показателям (табл. 8) [3; 4]. Итак, общий уровень мобильности в двух группах молодежи сравнительно одинаков. Следовательно, общий уровень стабильности для обеих групп будет равным ± 4 %.

Оценка уровня социальной мобильности по вертикали дала следующие результаты: уровень абсолютной восходящей вертикальной мобильности среди молодых общественно-политических деятелей оказался значительно выше (на 14,6 %), чем мобильность молодых россиян в целом. Уровень нисходящей вертикальной мобильности оказался выше у молодежи в России в целом: 17,14 против 7,09 %.

Однако оценка уровня абсолютной вертикальной мобильности способна дать неполную картину события. В связи с этим необходимо рассчитать уровень относительной социальной мобильности. Для этого следует вычислить долю лиц, совершивших переход из одной позиции в другую, среди всех лиц совершивших переход (вне зависимости от направления). Также выявим уровень чистой мобильности, который определяется как отношение доли лиц, совершивших восходящую вертикальную мобильность, к доле лиц, совершивших нисходящую социальную мобильность. Доля определяется также по показателю относительной со-

циальной мобильности, т. е. рассчитывается только среди лиц, совершивших переход в другую позицию вне зависимости от направления перехода (см. табл. 8).

Таблица 7

Сопряженность категорий «Образование отца» и «Образование респондента»

Образование отца	Образование респондента						Итого
	Неполное среднее	Общее среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее	2 высших, кандидат или доктор наук	
Среди молодых общественно-политических активистов, чел.							
Неполное среднее	1	1	0	1	1	0	4
Общее среднее	0	0	0	1	5	3	9
Среднее специальное	0	1	3	12	46	6	68
Незаконченное высшее	0	0	0	0	4	2	6
Высшее	0	0	3	4	45	11	63
2 высших, кандидат или доктор наук	0	0	0	0	3	2	5
Итого	1	2	6	18	104	24	155
Среди молодых россиян в среднем, чел.							
Неполное среднее	2	14	8	0	2	0	26
Общее среднее	5	21	56	5	15	0	102
Среднее специальное	1	17	84	8	70	1	181
Незаконченное высшее	0	1	10	0	10	0	21
Высшее	1	5	25	4	49	2	86
2 высших, кандидат или доктор наук	0	0	1	0	2	1	4
Итого	9	58	184	17	148	4	420

Таблица 8

Показатели социальной мобильности

Показатель	Значение	
	молодые общественно-политические деятели, %	в среднем молодежь в России, %
Абсолютная		
Общий уровень мобильности	67,09	62,61
Общий уровень стабильности	32,90	37,38
Восходящая мобильность	60	45,4
Нисходящая мобильность	7,09	17,14
Относительная		
Общий уровень мобильности	100	100
Восходящая мобильность	89,42	72,62
Нисходящая мобильность	10,58	27,38
Коэффициент чистой мобильности	8,45	2,65

Таблица 9

Результаты бинарного логистического регрессионного анализа

Показатель	Молодые общественно-политические деятели			Молодые россияне в целом		
	B	EXP (B)	Зн.	B	EXP (B)	Зн.
Пол	0,009	–	0,926	0,5	1,649	0,016
Образование матери	–0,648	0,523	0,000	–0,563	0,569	0,000
Тип поселения, в котором						
живут	–0,252	0,777	0,032	1,346	–	0,246
респондент пошел в школу	0,132	–	0,717	0,2	–	0,886
отец пошел в школу	0,794	–	0,373	0,456	–	0,449
мать пошла в школу	–0,271	0,762	0,009	0,071	–	0,790
Диагностика моделей						
Значение модели в целом	0,000			0,000		
Значение критерия Хосмера – Лемешова	0,261			0,979		
Процент корректных предсказанных значений, %	75,7			63,3		
95 % доверительный интервал для EXP (B)	В пределах нормы			В пределах нормы		
Выбросы и влияющие переменные (ZRE)	Не обнаружено			Не обнаружено		

Итак, относительные показатели социальной мобильности также показали нам, что группа молодых общественно-политических деятелей мобильнее, чем молодые россияне в целом. Итоговый показатель, коэффициент чистой мобильности, также указывает на более высокий уровень социальной мобильности среди молодых общественников и политиков.

Факторы социальной мобильности. Абсолютное и относительное значения уровня социальной мобильности говорит о структурных сдвигах, произошедших в обществе. Однако эти показатели не дают понимания того, что способствовало социальной мобильности.

Используя метод бинарной логистической регрессии, выявим основные факторы восходящей социальной мобильности (табл. 9). Для этого включим в модель регрессионного анализа следующие переменные:

- пол респондента;
- образование матери респондента;
- тип поселения, где проживает респондент;
- тип поселения, в котором жил респондент, когда он пошел в школу;
- тип поселения, в котором жил отец респондента, когда он (отец) пошел в школу;
- тип поселения, в котором жила мать респондента, когда она пошла в школу.

Таким образом, мы включили в модель как физиологический капитал, так и человеческий и культурный.

Итак, бинарный логистический регрессионный анализ позволил сделать следующие выводы.

Для молодых общественно-политических деятелей основными факторами восходящей социальной (образовательной) мобильности стали условия социализации и человеческий капитал матери: уровень ее образования и тип поселения, где она жила, когда пошла в школу. Также было выявлено влияние типа поселения, в котором живет респондент, на уровень образовательной мобильности.

Образование и условия социализации матери, а также территориальная стратификация обратным образом влияют на вероятность образовательной мобильности молодых общественно-политических деятелей. Иначе говоря, низкий уровень образования матери повышает вероятность восходящей образовательной мобильности респондентов. Так же влияют и условия социализации матери: чем в меньшем городе (селе) росла мать, тем выше вероятность восходящей мобильности для молодежи. Аналогично влияет тип поселения на уровень восходящей мобильности молодежи: чем меньше город, тем выше вероятность восходящей мобильности.

Среди молодых россиян в целом значимыми факторами оказались пол респондента и образование матери. Влияние образования матери среди молодежи по общероссийской выборке аналогично влиянию этого показателя в авторской выборке.

Также примечательно, что во второй модели (т. е. среди молодых россиян в целом) значимым фактором оказался пол: у мужчин среди россиян в целом больше шанс совершить восходящую образовательную мобильность, чем у женщин. При этом среди молодых общественно-политических деятелей гендерное различие оказалось незначимым.

Заключение

В результате исследования получено, что образовательная мобильность среди молодых общественно-политических деятелей выше, чем в среднем среди россиян того же возраста.

Основными факторами образовательной мобильности молодых общественно-политических деятелей являлись условия социализации и образование матери, а также условия социализации самого респондента. Было выявлено, что чем ниже образовательный уровень матери, тем больше вероятность восходящей образовательной мобильности респондентов. Это можно объяснить тем, что имея невысокий уровень образования и проведя детство в малых городах, матери, желая лучшего будущего своим детям, стимулируют их к накоплению человеческого капитала, чем является высшее образование.

Среди молодых россиян в целом ситуация несколько иная. Здесь одним из решающих факторов является пол, что было незначимо для предыдущей группы. Другие же факторы образовательной мобильности оказались незначимы, что и было показано путем регрессионного анализа.

Объединяет обе группы только то, что в них образование матери являлось значимым фактором. Однако если низкий уровень образования матерей политиков и общественников подстегивал их к получению образования выше уровня образования отца, то среди россиян фактор образования матери оказывал прямое действие – чем выше уровень образования матери, тем выше вероятность, что у респондента будет более высокий уровень образования, чем у его отца.

Кроме того, в дальнейших исследованиях необходимо углубленно изучить влияние условий социализации, образования и других характеристик матери на дальнейшую судьбу молодых людей, в том числе и общественно-политических деятелей.

Список литературы

1. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

2. *Sorokin P.* Social and Cultural Mobility. N. Y., NY: The Free Press, 1959. 656 p.

3. *Бурлуцкая М. Г.* Проблемы измерения социальной мобильности. Рубеж. 1998. № 12. С. 144–157.

4. *Бурлуцкая М. Г.* Профессиональная мобильность в постиндустриальном обществе: изменение моделей профессионального успеха. XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. 2011. URL: http://webcache.googleusercontent.com/ search?q =cache:cEzxQ4P1wI4J:regconf.hse.ru/uploads/e062a0e61e081e786c26b846f3697fcc86239f94.rtf+ &cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

5. *Бурдье П.* Формы капитала. Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60

6. *Bourdieu P.* Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kaputal. Soziale Ungeichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2) / Ed. by R. Kreckel. Goettingen: Otto Schwartz & Co., 1983. S. 183–198.

7. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.

8. *Bauman Z.* The Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001. 259 p.

9. *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. New Delhi: Sage, 1992.

10. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Д. Седельника, Н. Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

11. *Björklund A., Salvanes K. G.* Education and Family Background. Mechanisms and Policies (Book) // Handbook of the Economics of Education. 2011. Vol. 3. P. 201–247.

12. *Causa O., Johansson A.* Intergenerational social mobility in OECD countries // OECD Journal: Economic Studies. 2010. P. 33–76.

13. *Gordon H., Taft J.* Rethinking Youth Political Socialization: Teenage Activists Talk Back // Youth & Society. 2011. Vol. 43 (4). P. 1499–1527.

14. *Gordon H.* Gendered Paths to Teenage Political Participation: Parental Power, Civic Mobility, and Youth Activism // Gender & Society. 2008. Vol. 22 (1). P. 31–55.

15. *Ream R.* Counterfeit Social Capital and Mexican-American Underachievement // Educational Evaluation and Policy Analysis. 2003. Vol. 25 (3). P. 237–262.

16. *Berliner D. C.* Inequality, Poverty, and the Socialization of America's Youth for the Responsibilities of Citizenship // Theory into Practice. 2013. Vol. 52. Iss. 3. P. 203–209.

17. *Ng I. Y. H.* The Political Economy of Intergenerational Income Mobility in Singapore // International Journal of Social Welfare. 2013. Vol. 22. Iss. 2. P. 207–218.

18. *Wilson G., Maume D.* Men's Race-Based Mobility into Management: Analyses at the Blue Collar and White Collar Job Levels // Research in Social Stratification and Mobility. 2013. Vol. 33. P. 1–12.

19. *Lauterbach K.* Becoming a Pastor: Youth and Social Aspirations in Ghana // Young. 2010. Vol. 18 (3). P. 259–278.

20. *Kumar A.* From the Field to the Factory: Dimensions of Power and the Process of Occupational Mobility among Rural Youths of Nagpur District // Social Change. 2010. Vol. 40 (3). P. 303–317.

21. *Lin F., Huang C., He X., Zhang C.* Do More Highly Educated Entrepreneurs Matter? // Asian-Pacific Economic Literature. 2013. Vol. 27. Iss. 2. P. 104–116.

22. *Cairns D., Growiec K., Smyth J.* Leaving Northern Ireland: Youth Mobility Field, Habitus and Recession among Undergraduates in Belfast // British Journal of Sociology of Education. 2013. Vol. 34. Iss. 4. P. 544–562.

23. *Eastman J. T.* Youth Migration, Stratification and State Policy in Post-Soviet Russia // Sociology Compass. 2013. Vol. 7. Iss. 4. P. 294–302.

24. *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. 237 с.

25. *Spaaij R.* Sport as a Vehicle for Social Mobility and Regulation of Disadvantaged Urban Youth: Lessons from Rotterdam // International Review for the Sociology of Sport. 2009. Vol. 44. No. 2–3. P. 247–264.

26. *Mackin R., Walther C.* Race, Sport and Social Mobility: Horatio Alger in Short Pants? // International Review for the Sociology of Sport. 2012. Vol. 47 (6). P. 670–689.

27. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е.Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.

28. *Будон Р.* Модель анализа таблиц мобильности. Математика в социологии: моделирование и обработка информации. М., 1977. С. 402–416.

29. *Boudon R.* The Mathematical Structures of Social Mobility. Elsevier, 1973.

Материал поступил в редколлегию 08.06.2014

V. M. Barsegyan

National research University – Higher School of Economics
20 Miasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

barsegyan.vardan@gmail.com

INTERGENERATIONAL EDUCATIONAL MOBILITY OF YOUNG SOCIOPOLITICAL FIGURES IN MODERN RUSSIAN

Educational mobility is an important indicator of the evolution of human skill level, which affects the results of his work in any field.

The results obtained by comparing the educational levels of the «fathers» and «children», allow to make a conclusion about the overall growth of education among different classes of society. This is actually among those who have power and influence, or claim to do so. Because of education imparts knowledge, but also attaches to world culture, the principles of humanism. In view of this, it is important to follow educational mobility of young political figures regarding their parents, as well as comparing the results obtained with the Russians in general.

This article analyzes the trends and factors of intergenerational social (educational) mobility of young political figures in modern Russian society. Revealed that a significant impact on the level of social mobility have conditions of socialization and human capital of respondents mothers. It is also shown that the educational mobility among young political figures higher than average among Russians of the same age.

Keywords: social mobility, educational mobility of youth, the political activity of young people.

References

1. Sorokin P. *Chelovek. Tsivilizatsiia. Obshchestvo*. Moscow, Politizdat, 1992. (in Russ.)
2. Sorokin P. *Social and Cultural Mobility*. New York, NY: The Free Press, 1959, 656 p.
3. Burlutskaia M. G. Problemy izmereniia sotsial'noi mobil'nosti. *Rubezh*, 1998, no. 12, p. 144–157. (in Russ.).
4. Burlutskaia M. G. Professional'naia mobil'nost' v postindustrial'nom obshchestve: izmenenie modelei professional'nogo uspekha. *XII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia po problemam razvitiia ekonomiki i obshchestva*. 2011. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:cEzxQ4P1wI4J:regconf.hse.ru/uploads/e062a0e61e081e786c26b846f3697fcc86239f94.rtf+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (in Russ.)
5. Bourdieu P. Formy kapitala. *Ekonomicheskaia sotsiologiia*. *Elektronnyi zhurnal*, vol. 3, no. 5, 2002, p. 60–74. http://ecsoc.hse.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (in Russ.)
6. Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kaputal. In: Kreckel R. (ed.) *Soziale Ungeichheiten* (*Soziale Welt, Sonderheft 2*). Goettingen, Otto Schwartz & Co., 1983, p. 183–198.
7. Bauman Z. *Individualizirovannoe Obshchestvo*. Moscow, Logos Publ., 2002. 390 p. (in Russ.)
8. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge, Polity Press, 2001, 259 p.
9. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. New Delhi, Sage, 1992.
10. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000, 384 p. (in Russ.)
11. Björklund A., Salvanes, K. G. Education and Family Background. Mechanisms and Policies. *Handbook of the Economics of Education*, 2011, vol. 3, p. 201–247.
12. Causa O., Johansson, A. Intergenerational Social Mobility in OECD Countries. *OECD Journal: Economic Studies,* 2010, p. 33–76.
13. Gordon H., Taft J. Rethinking Youth Political Socialization: Teenage Activists Talk Back. *Youth & Society*, 2011, vol. 43 (4), p. 1499–1527.

14. Gordon H. Gendered Paths to Teenage Political Participation: Parental Power, Civic Mobility, and Youth Activism. *Gender & Society*, 2008, vol. 22 (1), p. 31–55.

15. Ream R. Counterfeit Social Capital and Mexican-American Underachievement. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 2003, vol. 25 (3), p. 237–262.

16. Berliner D. C. Inequality, Poverty, and the Socialization of America's Youth for the Responsibilities of Citizenship. *Theory into Practice,* 2013, vol. 52, iss. 3, p. 203–209.

17. Ng I. Y. H. The Political Economy of Intergenerational Income Mobility in Singapore. *International Journal of Social Welfare,* 2013, vol. 22, iss. 2, p. 207–218.

18. Wilson G., Maume D. Men's Race-Based Mobility into Management: Analyses at the Blue Collar and White Collar Job Levels. *Research in Social Stratification and Mobility,* 2013, vol. 33, p. 1–12.

19. Lauterbach K. Becoming a Pastor: Youth and Social Aspirations in Ghana. *Young*, 2010, vol. 18 (3), p. 259–278.

20. Kumar A. From the Field to the Factory: Dimensions of Power and the Process of Occupational Mobility among Rural Youths of Nagpur District. *Social Change*, 2010, vol. 40 (3), p. 303–317.

21. Lin F., Huang C., He X., Zhang C. Do More Highly Educated Entrepreneurs Matter? *Asian-Pacific Economic Literature,* 2013, vol. 27, iss. 2, p. 104–116.

22. Cairns D., Growiec K., Smyth J. Leaving Northern Ireland: Youth Mobility Field, Habitus and Recession among Undergraduates in Belfast. *British Journal of Sociology of Education,* 2013, vol. 34, iss. 4, p. 544–562.

23. Eastman J. T. Youth Migration, Stratification and State Policy in Post-Soviet Russia. *Sociology Compass,* 2013, vol. 7, iss. 4, p. 294–302.

24. Radaev V. V., Shkaratan O. I. *Sotsial'naia stratifikatsiia*. Moscow, Nauka, 1995, 237 p. (in Russ.)

25. Spaaij R. Sport as a Vehicle for Social Mobility and Regulation of Disadvantaged Urban Youth: Lessons from Rotterdam. *International Review for the Sociology of Sport*, 2009, vol. 44, n o. 2–3, p. 247–264.

26. Mackin R., Walther C. Race, Sport and Social Mobility: Horatio Alger in Short Pants? *International Review for the Sociology of Sport*, 2012, vol. 47 (6), p. 670–689.

27. *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii*. Moscow, Ves' mir Publ., 2014. (in Russ.)

28. Boudon R. Model' analiza tablits mobil'nosti. *Matematika v sotsiologii: modelirovanie i obrabotka informatsii.* Moscow, 1977, p. 402–416. (in Russ.)

29. Boudon R. *The Mathematical Structures of Social Mobility*. Elseveier, 1973.